

Цзин Янь, прихватив свою холщовую сумку, собралась было спускаться вниз — в ней лежали её ужин и средство от комаров.

Гу Хань окликнул её:

— Цзин Янь, оставь немного еды на ужин.

Она поспешно покачала головой:

— Спасибо, господин А-У, не нужно, я принесла ужин с собой.

Цзин Янь вместе с поваром из японского ресторана вошла в лифт. Она спросила:

— Эти морепродукты, наверное, очень дорогие?

Повар усмехнулся:

— Тот ящик с морепродуктами вместе с вином потянул тысяч на сто с лишним.

— Что? — Цзин Янь судорожно вздохнула.

Повар, заметив её реакцию, хмыкнул и добавил:

— Это ещё цветочки. Для господина Лу сегодняшние траты — сущие копейки.

Он прислонился к стенке лифта, глядя в потолок, и философски заключил:

— Нищета действительно ограничивает наше воображение.

Цзин Янь до боли стиснула зубы. Он за один присест проедает больше ста тысяч, а я буду выплачивать сто тысяч целых десять месяцев. Этот мерзкий ростовщик только и умеет, что шиковать, объедаться да упиваться — паразит общества.

Цзин Янь сидела на скамейке внизу и грызла булочку, но, сделав пару укусов, поняла, что что-то не так — булочка прокисла. Она посмотрела на оставшиеся две, тяжело вздохнула, выбросила их в урну и, стоя рядом, с безнадёжным видом принялась запивать остатки еды водой из полупустого стакана. Эту сцену заметил проходивший мимо Цзян Чжань.

— Цзин Янь.

Она обернулась: это был господин А-Вэнь, в руках он держал бумажный пакет с надписью Маотай. Она поспешно поздоровалась:

— Господин А-Вэнь, вы пришли. Ужин готов, господин А-У и господин Лу ждут вас.

— Поднимайся к нам, поешь вместе с нами, — предложил Цзян Чжань.

— Нет, спасибо, я только что поела.

— На улице такая жара, да и комаров полно. Иди наверх, подожди там. Комнат много, найдется и для тебя местечко.

— Не нужно, я здесь немного позанимаюсь.

Цзян Чжань понимал, как неловко девушке находиться в одной квартире с тремя мужчинами, поэтому не стал настаивать.

— Ну хорошо, я пойду наверх.

Цзин Янь вежливо улыбнулась ему и села обратно, лишь когда он отошел на приличное расстояние. Цзян Чжань оглянулся на девушку, которая снова принялась пить воду, прищурился и о чем-то задумался.

На улице было невыносимо жарко, комары одолевали так, что даже репеллент не помогал. Цзин Янь пришлось укрыться в вестибюле первого этажа. Здесь было лучше, но негде присесть. Она расстелила свою холщовую сумку на полу и устроилась на ней.

Она то и дело проверяла телефон, надеясь, что А-У пришлет сообщение и позовет обратно убирать посуду. Но время шло, а вестей не было.

Скоро девять.

Комаров было не счесть, Цзин Янь без конца брызгала репеллентом на руки и ноги. Взглянув на почти пустой флакончик, она снова тяжело вздохнула.

Она достала конспекты по вокалу, немного позанималась французским, а потом начала распеваться.

Уже несколько дней не практиковалась. В вестибюле она запела, и проходящие мимо люди бросали на неё странные взгляды. Но ей было не до того: она отвернулась к стене, забилась в угол и продолжила петь.

Лица не видно — и ладно, всё равно здесь никто меня не знает, в следующий раз надену маску, — подумала Цзин Янь.

В это время идти торговать сосисками уже не имело смысла, так что день аренды прошел впустую. Цзин Янь раздраженно взлохматила волосы, в животе заурчало.

Она сбегала в супермаркет у входа в жилой комплекс, купила самую дешевую лапшу быстрого приготовления за полтора юаня, разорвала упаковку и только успела сделать пару укусов, как пришло сообщение от А-У.

Когда Цзин Янь вошла, Гу Хань и остальные сидели на большой террасе за чайным столиком, непринужденно беседуя. Увидев её, Лу Имин взял слово первым:

— Цзин Янь, готовишь ты неплохо, продолжай в том же духе.

— О... Спасибо за похвалу, господин Лу, — ответила она. При виде него она привычно начала заикаться. Она надела фартук и принялась за посуду. Перебив всё, она вымыла полы во всех комнатах. Закончив уборку, она подошла к ним:

— Господин Лу, у вас есть еще... какие-нибудь распоряжения? Если нет, то я пойду.

Лу Имин протянул ей несколько купюр:

— Эти пятьсот юаней — премия тебе.

Цзин Янь была ошарашена и поспешно затрясла головой:

— У меня уже есть зарплата. Это всё входит в мои обязанности, я не возьму лишних денег.

Цзян Чжань отпил чаю и негромко произнес:

— Бери, Цзин Янь.

Девушка решительно отказалась. Она не смела брать деньги у Лу Имина — кто знает, что у него на уме? Женщины встают на кривую дорожку, начиная с любви к подачкам. А если он завтра передумает и потребует эти пятьсот юаней назад, да еще и с процентами — отдавать или нет?

Лу Имин был удивлен: кто бы мог подумать, что кто-то откажется от чаевых?

— Цзин Янь, у тебя есть какие-то вопросы?

Он имел в виду: Ты что, больная? Дают деньги — бери, дурочка.

Но Цзин Янь восприняла это как: У тебя есть какие-то сомнения?

Конечно, у неё были сомнения! Как их могло не быть?

Некто, кого называют бедным родственником из деревни, живет в такой огромной квартире, да к тому же занимает сразу четыре квартиры в одиночку. Ест такие дорогие деликатесы, сорит деньгами, в комнаты убираться не пускает — может, они тут наркотики производят?

Конечно, лучше было прояснить всё сразу. Цзин Янь не хотела оказаться замешанной в уголовном деле, ей и так в жизни не везло.

Она робко спросила:

— Поче... почему вы один занимаете четыре квартиры?

Глаза Лу Имина округлились:

— Цзин Янь, ты не обнаглела? Это вопросы для почасового работника?

Цзин Янь опустила голову, вращая глазами, и про себя подумала: Сам же разрешил спрашивать, а теперь злишься. Не зря охранник говорил, что он шумный и вздорный. Но я обязана спросить — неужели я должна отвечать за ваши преступления?

Лу Имин наконец-то дождался возможности блеснуть.

— Слушай сюда, Цзин Янь. Лучше бы тебе отработать положенные десять месяцев без фокусов. Если бы не мой простодушный родственник из деревни, который самовольно поднял тебе зарплату, на моем месте ты бы и двадцати месяцев не выдержала! Ты, небось, думаешь: жил бы он в одной квартире, мне бы легче было убираться? Забудь! Тебе платят как раз за уборку четырех квартир!

Цзин Янь:

— Я...

— Что ты? Ты, наверное, думаешь, что раз он из деревни, то простак и его легко обвести вокруг пальца? Его может и легко, а меня — нет! Я местный, и у меня глаз наметан, я фальши не потерплю!

Цзин Янь была всего лишь первокурсницей, и от такого напора у неё на глаза навернулись слезы.

— Я... я... я никого не обманывала... — прошептала она, закусив губу.

— Обманывала! У меня есть доказательства, — безапелляционно заявил Лу Имин. Цзин Янь опешила, лихорадочно вспоминая последние дни работы — вроде бы всё делала на совесть. Она не смела перечить, лишь смотрела на него, закусив губу, со слезами на глазах.

— Твой фартук — вот доказательство.

Цзин Янь посмотрела на себя. При чем тут фартук?

— Где ты его купила? — спросил Лу Имин.

— На утреннем рынке.

— Сколько стоит?

— Четыре пятьдесят.

— Торговалась?

— Торг... торговалась... сбила пятьдесят копеек...

— Ну вот, видишь? Я же говорил! Цзин Янь, ты любишь торговаться, даже из-за пятидесяти копеек удавишься. А посмотри на этот фартук: такой тонкий, этот цвет, этот узор — деревенщина, просто жуть! Как есть вещь для деревенской! Какая современная горожанка станет носить такое?

Цзин Янь была не согласна — фартук как фартук, цена и качество отличные.

— Мне кажется...

— Эй, эй! Не надо мне тут своих мнений, важно только мое мнение!

Гу Хань и Цзян Чжань уже давно отвернулись к окну, не зная, куда деться от стыда. Оба были в шоке: этот Лу Имин что, с ума сошел? Делать ему нечего?

— Женщина, не забывай свое место.

Лу Имин сидел за чайным столиком, выпрямив спину и опершись руками о столешницу, изображая из себя повелителя мира.

Цзин Янь смотрела на него с недоумением. Она была в полном замешательстве. Что вообще происходит?

Цзян Чжань разрядил обстановку:

— Цзин Янь, время позднее, иди домой.

Как только дверь лифта за Цзин Янь закрылась, Цзян Чжань принялся аплодировать Лу Имину:

— Оскара этому господину! Этот абсурдный перформанс, якобы противоречащий традициям, но пропитанный постмодернистскими элементами, так блестяще раскрыл сущность подонка! Просто великолепно.

Цзян Чжань не скупился на сарказм, а Лу Имин сиял от гордости — он был очень доволен своим выступлением.

Гу Хань лишь покачал головой:

— Уберись из моей системы видеонаблюдения, я больше не могу смотреть на это пафосное, но пустое кривляние. — Затем добавил: — И эти слова... где ты их набрался? Талант, не иначе. Ставлю тебе двойной лайк.

Он тоже захлопал в ладоши.

— В сценариях всех тех шоу и сериалов, что инвестирует наша компания, сплошь и рядом такие сцены, истории про властных боссов пользуются наибольшим успехом.

Лу Имин пригладил волосы рукой и снова принял эффектную позу.

— А зачем ты до сих пор подключен к моей камере? Ты что, извращенец-вуайерист? С каких пор у господина Лу такие хобби?

Гу Хань снова потребовал отключиться, а Лу Имин расхохотался:

— Я не в твоей комнате камеру поставил, я за этой девчонкой слежу.

Он сложил пальцы пистолетом, зажмурил левый глаз и начал палить по кухне, где обычно работала Цзин Янь: пиф-паф-пиф.

— Гу Хань, если тебе обидно, я могу дать тебе доступ к своим камерам. У меня там куда интереснее: каждый день как свадьба, каждый день новая невеста, в любое время показывают эксклюзивные блокбастеры, за которые другие платят большие деньги. Тебе, как другу, покажу бесплатно...

Лу Имин хитро ухмыльнулся, и Гу Хань запустил в него подушкой с дивана.

— Ну и вкусы у тебя... И с чего я вдруг стал твоим бедным родственником из деревни?

Цзян Чжань, качая головой, рассмеялся:

— Мы оба местные, только ты вырос у дедушки в деревне и вернулся в Хайчэн, только когда пошел во второй класс, помнишь?

Лу Имин поймал подушку и рассмеялся:

— Поэтому я и говорю — деревня это хорошо, там всё настоящее. Воздух свежий, еда органическая, куры и яйца — просто загляденье... Ха-ха-ха! Я же не сказал, что в деревне плохо.

Цзян Чжань бросил Гу Ханю ключи от машины:

— Знаю, что ты любишь скромность. Цзян Ле тоже собирается брать машину, возьмете одинаковые.

Гу Хань поймал ключи и махнул рукой:

— Спасибо!

Цзин Янь не пошла на свою точку, было уже почти десять часов. Ей нужно было домой делать сосиски, иначе завтра нечего будет продавать.

Доход за сегодня: 0. Нет, скорее, в минусе.

Цзин Янь лежала в постели, но никак не могла уснуть. Оказалось, она просто проголодалась. Она встала с кровати, чтобы сварить себе пустой лапши.

<http://bllate.org/book/22321/2337500>